

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.

Логвинов Дмитрий Вадимович

- e-mail: logvinov.dmitry2010@gmail.com
аспирант кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Логвинов Д. В.

«Финляндский вопрос» в социально-политическом дискурсе
Российской империи XIX в. // Российский социально-гуманитарный
журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 14.12.2023
- Статья размещена на сайте 05.04.2024

СТРУКТУРА

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Первые дискуссии

Актуализация вопроса

«Время гонений»

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка места и значения «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе Российской империи в XIX в., выделение существовавших позиций в полемике и аргументов их сторонников.

Процедура и методы. В качестве источника для анализа использованы письма и дневники современников, статьи и книги XIX в., посвящённые «финляндскому вопросу». Основными методами стали политико-текстологический и историко-системный анализ, историко-политологическая реконструкция.

Результаты. Представлена хронология развития «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе Российской империи XIX в., выделены предпосылки его возникновения, эволюция основных позиций, аргументация сторон. Обобщён и структурирован материал по «финляндскому вопросу» в Российской империи XIX в.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов по политической истории России и истории социально-политической мысли России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Великое княжество Финляндское, Российская империя, русификация Финляндии, русофобия, «финляндский вопрос»

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ярких внешнеполитических успехов Александра I стало присоединение Финляндии к Российской империи. Произошло это в 1809 г. в результате подписания Фридрихсгамского мирного договора, ознаменовавшего окончание Русско-шведской войны (1808–1809 гг.). Согласно этому договору Финляндия вышла из состава Швеции и получила статус Великого княжества Финляндского.

В тот момент перед Александром I стояла задача укрепления собственного авторитета на новой территории при сохранении там части свобод, т. к., «с одной стороны, у Финляндии сохранялись старые шведские законы и привилегии сословий, с другой – необходимо было сохранить за центральной имперской властью контроль над финляндскими делами» [13, с. 28]. Александру I необходимо было установить баланс, который обеспечил бы как подчинение со стороны Финляндии, так и

её преданность, ведь именно эта территория могла послужить подушкой безопасности в близящемся конфликте с Францией. Поиск данного баланса и само обсуждение этого вопроса, впоследствии получившего название финляндского, растянулись на всё последующее столетие.

Нельзя не согласиться с точкой зрения, что «проведение успешной политики России на новых территориях было возможно лишь при условии, что население княжества получило бы не меньше, а больше прав и привилегий, чем оно имело при шведском господстве» [10, с. 222]. Поэтому Александр I, преследуя во многом внешнеполитические интересы Российской империи, благоприятствовал формированию особого положения Финляндского княжества в составе государства. Княжество получило значительные стимулы для собственного развития. В течение XIX в. были сохранены или заново сформированы и закреплены многие аспекты, характерные для самостоятельного государства: законодательная и исполнительная власть, собственная валюта, воинские формирования, национальный язык, закреплённый в качестве государственного, и др. Как итог, «положение Финляндии внутри Российской империи оказалось таким образом совершенно исключительным и не только в масштабах самой империи, но и в сравнении с устройством других многонациональных государств» [4, с. 90]. Это не могло не послужить причиной возникновения ожесточённой полемики о статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи.

Таким образом, целью настоящего исследования является оценка места и значения «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе Российской империи в XIX в., выделение существовавших позиций в полемике и аргументов их сторонников.

В качестве источников использованы письма и дневники современников, статьи и книги XIX в., посвящённые «финляндскому вопросу». Основными методами работы являются политико-текстологический, историко-системный анализ и метод историко-политологической реконструкции.

ПЕРВЫЕ ДИСКУССИИ

Впервые вопрос о самостоятельности княжества был поднят ещё в 1830-е гг. Саму возможность разных трактовок поло-

жения Финляндии в составе Российской империи предоставляла вариативность в понимании термина «stat», пришедшего из шведского языка. Именно это слово использовалось финнами чаще всего по отношению к своему княжеству, и имело оно два значения: непосредственно «государство» и в то же время «провинция». В отличие от рядовых провинций Финляндия со временем стала обладать многими из характерных атрибутов государственности, но при этом она входила в состав Российской империи и подчинялась воле российского императора. Парадокс, по мнению ряда исследователей, поначалу разрешался тем, что «население Финляндии не отделяло своё “государство” от Российской империи. Существовало представление, что Россия – это империя, которая включает в себя многие “государства”, а Финляндия – одно из таких “государств”» [8, с. 54].

Первая публичная полемика по вопросу степени автономности княжества состоялась между двумя финляндскими иммигрантами в Швеции И. Вассером и А. Арвидссоном. В 1838 г. Вассер, профессор в области медицины, опубликовал социально-политическую по своему содержанию брошюру «О союзном трактате Швеции с Россией». В ней он выразил мнение, что Финляндия является сформированным государством, которое может и должно стать самостоятельным. Он подчеркнул, что Финляндия не была завоёвана Россией, скорее, был заключён их взаимный союз. Более того, этот союз возложил на Великое княжество особую миссию по распространению истинно европейской цивилизации, не омрачённой буржуазными несовершенствами, на территории Российской империи.

Финский писатель и историк Арвидссон поначалу выступал против и в ответных брошюрах настаивал на провинциальном и зависимом статусе княжества. Идею особой миссии княжества он раскритиковал, сославшись на то, что европейские идеи на тот момент уже циркулировали в умах российских подданных. Однако в ходе длительной дискуссии он согласился, что, «хотя Финляндия ещё не есть самостоятельное государство, но она должна стать таковым» [8, с. 54], и произойдёт это, как бы парадоксально ни звучало, именно благодаря вхождению в состав Российской империи. Под защитой России, по мнению Арвидссона, Финляндии предстояло расти, развиваться, а по достижению совершеннолетия – самоопределиться.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОПРОСА

Возрождение полемики относительно финляндского вопроса пришлось на 1860-е гг., что можно связать с актуализацией национального вопроса в Российской империи, с одной стороны, и с продолжающимся расширением свобод и распространением национальной прессы в Финляндии – с другой.

Всё чаще стали раздаваться голоса различных финских исследователей и деятелей культуры о государственности княжества. В таком русле рассуждали Й. Нордстрём, Ю. Снельман и др. Этот период можно охарактеризовать как постепенное наращивание аргументации в пользу тезиса о самостоятельности княжества и упрочение этого мнения в общественном сознании.

В России развернулись самые настоящие интеллектуальные баталии по данной теме. Например, М. Н. Катков призывал обратить внимание на растущую степень автономности княжества, усматривая в этом по-настоящему тревожные для целостности государства тенденции [7]. В передовой статье «Московских ведомостей» от 9 сентября 1863 г. он написал, что, несмотря на мирное, законное и честное поведение Финляндии в составе Российской империи, отношения между ней и центром нельзя назвать нормальными и, более того, центробежные стремления финнов должны всячески пресекаться властями. Основная причина заключалась в том, что могли бы посеять отношения такого характера: они «вносят во внутреннюю государственную жизнь такое начало, которое в своём развитии может расстроить самое цельное государственное тело и повести к ослаблению основных связей, соединяющих народ с верховною властью»¹. Катков предвидел возможные тенденции к сепаратизму отдельных территорий и формированию федеративного союза государств, поэтому всячески пытался привлечь внимание к данной проблеме [14].

Оппоненты Каткова, напротив, не усматривали возможности создания федерации на территории Российской империи. Так, на страницах политической и литературной газеты «Голос» утверждалось: «Публицист [Катков] боится призраков, создаваемых его собственным воображением, воображением,

¹ Катков М. Н. Передовая статья в № 196 «Московских Ведомостей» (9 сентября) // Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск Второй. М.: Университетская типография, 1887. С. 745–752.

очевидно, расстроеным и болезненным. Ему представляется, будто федеративная форма может развиваться где-нибудь из ничего, из несуществующих зародышей. Где он видит условия, где он видит стремления к распадению русской земли на федеративные части?»².

Следующий виток обсуждений начался в 1880-е гг. Именно в эти годы в общественном дискурсе закрепился сам термин «финляндский вопрос», под которым понимался целый круг социально-политических и экономических проблем, связанных со спорным статусом Великого княжества Финляндского. Их обсуждение происходило ярко, бурно, занимая значительную часть публичного информационного пространства: финляндский вопрос «широко обсуждался в прессе, причём особенно активную позицию заняли издания, связанные с властью, либо репрезентировавшие позицию консервативных кругов» [9, с. 56].

С чем связано обострение вопроса? В 1881 г. началось правление Александра III, характерной чертой которого было внимание к внутренней политике, а именно к национальному вопросу. При этом важно, что основным инструментом решения этого вопроса стала русификация по отношению к национальным окраинам государства: «Российское государство не может включать в себя подданных других культурных типов. Эти культурные типы представляют другой общественно-политический строй» [8, с. 204]. Главным ограничением, с которым столкнулась Финляндия, стало согласование законодательства и сокращение законодательной инициативы: «было указано, что для принятия законов Российской империи, касающихся Великого княжества Финляндского, не нужно решение Сейма или Сената. Таким образом, российские власти могли не принимать во внимание их заключение» [11, с. 341]. И это ограничение вызвало мощный резонанс в княжестве.

Значительную роль в обсуждении финляндского вопроса на этом этапе начал играть политический деятель Леопольд (Лео) Мехелин. В 1886 г. он опубликовал свою работу «Краткий очерк государственного права Великого княжества Финляндского», центральной темой которой стало юридическое обоснование самостоятельности Финляндии и независимости её от Российской империи. А в 1888 г. статский советник Кесарь Филиппович Ордин подготовил перевод труда Мехелина на русский

²Цит. по: [4, с. 103].

язык и сопровождал его комментариями. Ордин подверг критике идеи своего финляндского оппонента и заявил, что «Финляндия никогда не была государством. Это завоеванная русским оружием территория» [8, с. 57].

Две эти работы породили оживлённую полемику, накал которой не спадал вплоть до обретения Финляндией суверенитета в 1917 г. Ключевым аргументом сторонников независимости княжества в лице Мехелина было указание на события 1809 г., когда Александр I созвал Боргоский сейм. В них усматривалось желание императора услышать истинный голос финляндского населения и намерение соблюсти все местные законы и правила. Т. е., согласно данной позиции, Александр I воспринимал Финляндию скорее как союзное, а не подчинённое государство.

Ордин же возражал, что на самом деле отношение императора к финляндскому сейму было смешанным, неопределённым. Для Александра I он представлял исключительно совещательный орган, и в подтверждение данного тезиса Ордин привёл слова императора, использовавшего в отношении сейма термин *discutée* (а не *décidée*). Более того, отдельно Ордин остановился на утверждении Мехелина о том, что Боргоский сейм был принципиально важен в контексте утверждения автономности княжества, т. к. Александр I стремился соблюсти законы Финляндии и наделил её особыми правами, сохранив местный сейм. Ордин возразил, что, по существу, «Финляндия своих законов не имела, а руководствовалась шведскими законами» [6, с. 20]. Раз шведское влияние закончилось, сейм больше не являлся законным по своему существу, и император стремился лишь выслушать мнение местных экспертов по интересующим его вопросам. Разовый характер также, по замечанию Ордина, носило и право сейма избрать членов совета, т. к. император, давая соответствующее распоряжение, использовал оборот «на этот раз» [6, с. 25].

Стремясь покончить со сложившейся в те годы тенденцией наделять Боргоский сейм решающим значением в финляндском вопросе, Ордин сослался на Декларацию от 16 марта 1808 г. и Манифест от 20 марта 1808 г. Согласно этим законодательным актам Финляндия была объявлена провинцией, инкорпорированной в Российскую империю. Однако эта ремарка Ордина не смогла разрешить становящиеся всё более громкими и жаркими дискуссии.

«ВРЕМЯ ГОНЕНИЙ»

В 1890-е гг. ситуация в Великом княжестве Финляндском ещё более обострилась. Неслучайно периоды с 1899 по 1905 гг. и с 1908 по 1917 гг., называемые в отечественной историографии периодами русификации Финляндии, в финской традиции получили название «время гонений». Именно в это время политика по отношению к княжеству приняла радикальные черты и «была направлена на постепенную ликвидацию автономии Финляндии и на её интеграцию в состав империи, при полном введении самодержавной формы правления» [11, с. 339].

Важным стимулом для усиления централизации Российской империи выступило изменение геополитического пространства: Тройственный Союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) заставлял российское военное министерство считаться с потенциальной угрозой, исходящей от него. Поэтому было обращено внимание на состояние армии и, что ещё более принципиально, на систему управления ею.

С назначением А. Н. Куропаткина на пост военного министра в 1898 г. (против кандидатуры которого, впрочем, высказывались многие видные деятели, включая С. Ю. Витте) под особое внимание попал вопрос об армии Великого княжества Финляндского. Куропаткин довольно скоро «поднял финляндский вопрос: надо-де их сделать русскими, по крайней мере, войска» [3, с. 62]. Вторил ему и Н. И. Бобриков, назначенный в 1898 г. на пост генерал-губернатора княжества. Он подчёркивал, что, несмотря на то, что завоевание Финляндии произошло десятилетия назад, оно до сих пор не завершено полностью, его цели по обеспечению безопасности Российской империи с запада не достигнуты, а в княжестве крайне сильны сепаратистские настроения.

В 1898 г. военное министерство Российской империи подготовило доклад, согласно которому представлялось необходимым установление единого командования для российских и финляндских войск. Единственной уступкой было замечание, что «финляндские части могут быть выведены за пределы Финляндии, но в целом во время войны они используются только для обороны Финляндии» [1, с. 29]. Был также составлен новый Устав о воинской повинности, причём без участия представителей Великого княжества Финляндского. Поэтому, когда согласно установленной бюрократической процедуре проект данного Устава был направлен в финляндский Сенат

для дальнейшей его передачи в Сейм, Сенат выступил против и предложил свой вариант Устава. Возникла спорная ситуация, которая, очевидно, не устраивала Российскую империю, и поэтому 3 февраля 1899 г. был издан Манифест «О составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Согласно этому Манифесту законы, имеющие общегосударственное значение и затрагивающие при этом Финляндское княжество, отныне должны были приниматься Государственным Советом и императором. При этом утверждалось, что развитие княжества оказалось возможно только благодаря Российской империи и залог её дальнейшего процветания также зависит от степени преданности России. Финляндский Сейм же объявил данный Манифест неправомерным.

Именно в это время свою деятельность начало общество «Кагал», ярким действием которого стало составление «Большого прошения» – открытого письма к Николаю II, под которым было собрано около полумиллиона подписей. В этом письме финны просили пересмотреть Манифест, однако император делегацию, доставившую ему Прощение, не принял.

В результате всех ужесточений в княжестве расцвела русофобия [15; 16; 17]. Свидетельства таких настроений можно обнаружить в работе корреспондента «Московских Ведомостей» П. И. Мессароша «Финляндия – государство или русская окраина?» (1897 г.), в которой автор, занимая, очевидно, консервативную позицию, описал свой опыт путешествий в Великое княжество Финляндское. Он подчеркнул, что там за «четверть века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры» [5, с. 3], а также спрогнозировал, что «при сохранении настоящих порядков не только никогда не будет достигнуто желаемое сближение этой русской окраины с Россией, но напротив, в недалеком будущем могут произойти крайне печальные события» [5, с. 3].

Генерал-губернатор Бобриков также опасался подобного сценария развития событий, поэтому вскоре пришёл к мнению об опасности существования особых финляндских войск в целом. В своём письме М. М. Бородкину он объяснял это тем, что «по призывам какого-нибудь Мехелина они могли при случае стать нашими явными врагами» [12, с. 107], а в сообщениях А. Н. Куропаткину подчёркивал, что «нерусскость» финлянд-

ских войск не искоренить, поэтому целесообразнее их вовсе упразднить.

В 1901 г. Николай II после долгих обсуждений принял аргументы в пользу упразднения национальной финской армии и провёл это решение. Финляндия, по выражению С. Ю. Витте, «пришла в брожение» [2, с. 270].

«Пассивное сопротивление становилось всё менее эффективным и тогда начали искать новые способы действий» [2, с. 239], которые основывались уже на более радикальных подходах. Выразителем этого настроения стал 29-летний Э. Шауман, внештатный копиист Сената. 4 июня 1904 г. Шауман, пользуясь служебным положением, вошёл в здание Сената, выследил Бобрикова и несколько раз выстрелил в него практически в упор, а после покончил с собой. В предсмертной записке он указал, что, «поскольку в ближайшее время на отзыв Бобрикова из Финляндии, похоже, не было надежды, осталось лишь одно средство обезопасить от него родину, прибегнув к необходимой самозащите» [2, с. 241].

Российскую империю в тот момент куда больше волновали русско-японская война (1904–1905 гг.) и напряжённая внутриполитическая обстановка, поэтому со смертью Бобрикова внимание к Великому княжеству Финляндскому стало ослабевать. В Финляндию вернулись многие активисты, высланные из страны при его генерал-губернаторстве, а в 1905 г. Николай II приостановил распоряжение об особых полномочиях генерал-губернатора и действие многих законов, носящих русификационный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «финляндский вопрос» существовал в социально-политическом дискурсе Российской империи XIX в. с 1830-х гг., постепенно становясь всё более заметным. Если первые обсуждения темы произошли в формате теоретического поиска особого исторического пути Финляндии, то к концу столетия велась настоящая борьба за независимость княжества, с одной стороны, и борьба за целостность Российской империи, с другой.

Сторонники автономности Великого княжества Финляндского настаивали на концепции союзных государств, существующих в едином пространстве под властью императора, но при

этом самостоятельных по своей сути. Главным выразителем данной идеи стал Лео Мехелин, подчеркнувший, что в 1809 г., когда Александр I созвал Боргоский сейм, он намеревался услышать местных экспертов, организовать жизнь в княжестве с опорой на местные законы и правила и, таким образом, отнёсся к Финляндии как к федеративной части Российской империи – обособленной и независимой.

Противники же данного подхода и защитники целостности Российской империи отмечали, что ошибочное впечатление, будто Александр I наделял княжество самостоятельным статусом, могло создаться из-за нюансов перевода и субъективных интерпретаций. В игнорировании складывающихся в Финляндии настроений они усматривали угрозу для безопасности государства и всячески привлекали внимание к проблеме. В результате политика по отношению к княжеству с течением времени приобретала всё более жёсткий характер, что привело, в свою очередь, лишь к росту русофобских настроений среди местного населения. Апогеем стало смертельное покушение на генерал-губернатора Бобрикова, после которого на фоне сложной внешнеполитической ситуации Российская империя пошла на ряд уступок по отношению к Финляндии. Тем самым острота «финляндского вопроса» в социально-политическом дискурсе страны была сглажена. Но, как показала история, лишь на некоторое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтурина А. Ю. А. Н. Куропаткин и подготовка Устава о воинской повинности в Финляндии в 1898–1899 гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 22–31.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. М.: Харвест, 2017. 608 с.
3. Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте: воспоминания. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2003. 646 с.
4. Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. статей / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2004. С. 89–142.

5. Мессарош П. И. Финляндия – государство или русская окраина? СПб.: Типография В. В. Комарова, 1897. 332 с.
6. Мехелин Л. Конституция Финляндии. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1888. 150 с.
7. Мюллер А. М., Рябова А. Л., Саблина М. А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11. С. 201–208.
8. Петухова А. П. Михаил Катков и рождение «финляндского вопроса» в Российской империи (1860–1880-е гг.) // Клио. 2019. № 11. С. 136–142.
9. Петухова А. П. «Финляндский вопрос» в системе внутривнутриполитических представлений Российской правящей элиты в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 4. С. 56–64.
10. Погодин С. Н. Взаимоотношения царской России с Финляндией (политико-правовой аспект) // Россия в глобальном мире. 2014. № 1. С. 221–231.
11. Погодин С. Н., Рябова А. Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9. С. 338–347.
12. Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. / пер. с фин. Г. Муравина. СПб.: Европейский дом, 1997. 318 с.
13. Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2013. 137 с.
14. Ширинянц А. А. М. Н. Катков и М. П. Погодин о национально-политическом единстве и целостности России // Катковский вестник: религиозно-философские чтения: к 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова / под ред. С. Лесневского. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. С. 90–103.
15. Ширинянц А. А. Русофобия в контексте общественного согласия // SCHOLA-2022: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Издательский дом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2022. С. 207–212.
16. Ширинянц А. А., Гуторов В. А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 231–237.
17. Gutorov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia concept in modern political discourse // Political expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. № 2. P. 166–177.

ARTICLE INFORMATION

Author

Dmitrii V. Logvinov

- e-mail: logvinov.dmitry2010@gmail.com
postgraduate student, Department of History of Social and Political
Studies, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

FOR CITATION

Logvinov D. V. «Finland question» in the socio-political discourse of the Russian empire in the XIX century. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To assess the significance of the “Finland question” in the socio-political discourse of the Russian Empire in the 19th century, to highlight the positions in this polemic and the arguments of its supporters.

Methodology. The study is based on the letters and diaries of the contemporaries, articles and books of the 19th century devoted to the “Finland question”. The main methods were political-textual and historical-system analyses, historical-political reconstruction.

Results. This paper presents the chronology of the development of the “Finland question” in the socio-political discourse of the Russian Empire in the 19th century. The preconditions for its emergence, the main positions and their evolution, the opponents’ arguments are highlighted. The material on the “Finland question” in the Russian Empire of the XIX century is generalized and structured.

Research implications. The research materials can be used in the preparation of special courses on the political history of Russia and the history of social-political ideas of Russia.

Keywords:

Grand Duchy of Finland, the Russian Empire, Russification of Finland, Russophobia, "Finland question"

REFERENCES

1. Bakhturina A. Yu. [A. N. Kuropatkin and preparation of the Statute on military service in Finland in 1898–1899]. In: *Istoriya i arkhivy* [History and Archives], 2021, no. 3, pp. 22–31.
2. Vitte S. Yu. *Vospominaniya. T. 3* [Memories. Vol. 3]. Moscow, Kharvest Publ., 2017. 608 p.
3. Vitte S. Yu. *Iz arkhiva S. Yu. Vitte: vospominaniya. T. 2* [From the archive of S. Yu. Witte: memories. Vol. 2]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN Publ., 2003. 646 p.
4. Vitukhnovskaya M. A. [A rebellious outskirts or a model to follow: Finland through the eyes of Russian conservatives and liberals of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Tsamatuli A. N., Ilyukha O. P., Kovalenko G. M., eds. *Mnogolikaya Finlyandiya. Obraz Finlyandii i finnov v Rossii* [The many faces of Finland. The image of Finland and Finns in Russia]. Velikiy Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo Publ., 2004, pp. 89–142.
5. Messarosh P. I. *Finlyandiya – gosudarstvo ili russkaya okraina?* [Finland – a state or a Russian outskirts?]. St. Petersburg, Tipografiya V. V. Komarova Publ., 1897. 332 p.
6. Mekhelin L. *Konstitutsiya Finlyandii* [Constitution of Finland]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko Publ., 1888. 150 p.
7. Muller A. M., Riabova A. L., Sablina M. A. [National policy of Alexander III]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2017, no. 11, pp. 201–208.
8. Petukhova A. P. [Mikhail Katkov and the birth of the "Finland question" in the Russian Empire (1860–1880s)]. In: *Klio* [Klio], 2019, no. 11, pp. 136–142.
9. Petukhova A. P. ["The Finnish Question" in the system of internal political ideas of the Russian ruling elite at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2008, no. 4, pp. 56–64.
10. Pogodin S. N. [Relations between Tsarist Russia and Finland (political and legal aspect)]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2014, no. 1, pp. 221–231.
11. Pogodin S. N., Riabova A. L. [The first period of the Russification in Finland (1899–1905)]. In: *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2016, no. 9, pp. 338–347.

12. Polvinen T. Valtakunta ja rajamaa: N. I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904 (Rus. ed.: Muravin G., transl. *Derzhava i okraina. N. I. Bobrikov general-gubernator Finlyandii, 1898–1904 gg.* St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1997. 318 p.).
13. Suni L. V. [Grand Duchy of Finland (first half of the 19th century). Formation of autonomy]. Petrozavodsk, Izdatelstvo Petrozavodskogo universiteta Publ., 2013. 137 p.).
14. Shirinyants A. A. [M. N. Katkov i M. P. Pogodin about the national-political unity and integrity of Russia]. In: Lesnevskii S., ed. *Katkovskii vestnik: religiozno-filosofskie chteniya: k 190-letiyu so dnya rozhdeniya M. N. Katkova* [Katkovsky Bulletin: religious and philosophical readings: to the 190th anniversary of the birth of M. N. Katkov]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2008, pp. 90–103.
15. Shirinyants A. A. [Russophobia in the context of public harmony]. In: Shutov A. Yu., Shirinyants A. A., eds. *SCHOLA-2022: sbornik nauchnykh statei fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova* [SCHOLA-2022: collection of scientific articles by the Faculty of Political Science of Moscow State University named after M. V. Lomonosov]. Moscow, Izdatel'skii dom Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova Publ., 2022, pp. 207–212.
16. Shirinyants A. A., Guturov V. A. ["Russophobia": word and meanings]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Essays on conservatism], 2023, no. 1, pp. 231–237.
17. Guturov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia concept in modern political discourse. In: *Political expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 166–177.